

**«СПЕЦИФИКА – ЭТО ГЛАВНОЕ, ЧТО
ПРИВЛЕКАЕТ ЗДЕСЬ ИСТОРИКА»**

А. А. Масленников

Институт археологии РАН
117036, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Россия

Интервью провёл

С. Н. Прокопенко

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
308015, ул. Победы, 85, Белгород, Россия

Ключевые слова: античность, переходные эпохи, археология, Боспорское царство.

Copyright: © 2018 Масленников, Прокопенко. Данная работа публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: А. А. Масленников, Институт археологии Российской академии наук, Отдел полевых исследований. 117036, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Россия. E-mail: [iscander48\[at\]mail.ru](mailto:iscander48[at]mail.ru)

**“PECULIARITY IS WHAT
ATTRACTS HERE A HISTORIAN”**

A. A. Maslennikov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences
Dm. Ulyanova ul. 19, Moscow, 117292, Russia
E-mail: [iscander48\[at\]mail.ru](mailto:iscander48[at]mail.ru)

Interviewed by

S. N. Prokopenko

Belgorod National Research University
Pobedy st. 85, 308015, Belgorod, Russia
E-mail: [s_prokopenko\[at\]bsu.edu.ru](mailto:s_prokopenko[at]bsu.edu.ru)

Keywords: antiquity, transitional epochs, archaeology, ancient Bosphorus.

Александр Александрович Масленников – отечественный археолог, антиковед, специалист по истории античного Боспора. В настоящее время доктор исторических наук, профессор А. А. Масленников заведует отделом полевых исследований Института археологии (ИА) РАН, является членом ученого совета ИА РАН и начальником Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН.¹

27 февраля 2018 г. в Институте археологии РАН состоялась беседа доцента кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» С. Н. Прокопенко с профессором А. А. Масленниковым.

С. П. *В настоящее время Вы – ученый с мировым именем, узнаваемы в широких научных кругах, однако это результат длинного пути. Для того, чтобы начать двигаться, надо сделать первый шаг. Что подвигло Вас сделать этот шаг, то есть заняться археологией и исторической наукой?*

А. М. Ну, прежде всего я бы хотел, коллеги, не ради скромности, а для объективности, уточнить: я, конечно, не отношусь к российским учёным с мировым именем, скорее по стране меня знают в силу моей работы, потому что я – прекрасный пример известной русской пословицы; её надо только слегка перефразировать. В оригинале она звучит так: «Не место красит человека, а человек место». Я же, напротив – пример того случая, когда место красит человека. Думаю, что если бы я не работал заведующим отделом полевых исследований ИА РАН последние 15 лет, наверное, меня бы знал достаточно узкий круг специалистов-антиковедов, и уж ни о каком мировом признании не было бы и речи. Это, во-первых. Во-вторых, если быть честным (а мы должны быть честными), ко мне относится ещё и другая фраза, которая звучит на одной из первых страниц печально известного романа Достоевского «Бесы», об одном из его героев: «В науке-то он, в общем, сделал немного, а если быть честным, ничего он в ней не сделал». Так что, сказать, что я сделал чего-то много в науке, – преувеличение.

Что касается того, что меня подвигло... Ну, у каждого своя судьба, каждый выбирает её, если он имеет возможность выбирать. Лучше задать вопрос, почему я решил стать археологом-антиковедом, почему жизнь моя проходит в науке и административной работе. Очень много в жизни каждого человека значит случай. Что касается древней истории, то очень хорошо помню, что как-то, в разгар жаркого лета, когда мне было лет пять или шесть, мне на глаза попался отрывной календарь, на котором были нарисованы египетские пирамиды. Не

¹ Подробнее см.: Масленников Александр Александрович. Дата обращения 05.03.2018. <http://www.archaeolog.ru/~maslen>

знаю, почему эта картинка так поразила меня (я ведь тогда ещё даже читать не умел), что потом я интересовался всем, что связано с древней историей, прежде всего с Египтом. А где-то уже в период старших классов школы мне случайно попала повесть... К вопросу, опять, какие бывают в жизни неожиданные обстоятельства, повторы, случайные, но судьбоносные встречи и книги. Мне попала повесть Глеба Голубева «По следам ветра».² Она вышла где-то в начале 60-х годов в каком-то приключенческом журнале. В ней рассказывалось о том, как один молодой человек оказался в подводной экспедиции где-то в районе Крыма, Керчи. Ими руководил старик-профессор. Эта повесть меня поразила, заинтересовала, заинтриговала. И вот, наверное, из-за этих обстоятельств у меня пробудился интерес именно к античной археологии.

С. П. *То есть большое рождается из малого?*

А. М. Да, но, повторяюсь, большое – из случайностей. Надо же такому случиться, что спустя четверть века я встретился с прототипами этой повести. Профессор В. Д. Блаватский³ стоял у истоков подводной археологии и стал моим шефом, учителем. А тот молодой человек, о котором была написана повесть, был сотрудником отдела античной археологии нашего института. Это ныне покойный Борис Георгиевич Петерс.⁴ Другой персонаж, о котором тоже шла в повести речь, – известнейший антиковед Геннадий Андреевич Кошеленко, тоже уже ушедший от нас.⁵ В общем вот так, совершенно неожиданно, хотя тысячи людей читали эту книгу, именно для меня она оказалась судьбоносной. Такова сила обстоятельств.

С. П. *Во многих источниках содержится информация, о том, что Вы являетесь учеником советского археолога, историка античности, искусствоведа В. Д. Блаватского, но полагаю, что список Ваших учителей Владимиром Дмитриевичем не ограничен. Скажите, кто они, Ваши учителя в науке?*

² Голубев 1963.

³ Советский археолог-антиковед, историк античности, доктор искусствоведческих наук. В период знакомства А. А. Масленникова с В. Д. Блаватским Владимир Дмитриевич уже был на пенсии, но продолжал много работать. Подробнее см.: Биография В. Д. Блаватского. Дата обращения 06.03.2018. http://www.archae.ru/news/news_174.html

⁴ Советский археолог. Владимир Дмитриевич Блаватский отмечал: «Борис Георгиевич стал первым советским археологом-подводником» (Блаватский, Кошеленко 1963). Подробнее см.: Петерс, Борис Георгиевич Дата обращения 06.03.2018. https://ru.wikipedia.org/wiki/Петерс,_Борис_Георгиевич

⁵ Советский и российский археолог, специалист в области истории Элады, античного Причерноморья и Востока эпохи. Подробнее см.: Кошеленко Геннадий Андреевич. Дата обращения 06.03.2018. http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-58694.ln-ru

А. М. Вы знаете, когда я учился в университете, Тульском педагогическом университете (тогда ещё институте), археологической практики как таковой не было. Мы сами нашли какую-то экспедицию и поехали туда. Нас было несколько человек, которым это было интересно. Кстати, все они до сих пор остаются моими друзьями, со всеми я поддерживаю контакты, они уже много лет подряд приезжают ко мне в экспедицию. Конечно, очень много значили и те люди, которые мне повстречались тогда в первых экспедициях. Поэтому среди своих учителей т. с. в поле я прежде всего назову И. Т. Кругликову⁶ и М. А. Романовскую. Второе имя – менее известное, но с Мариной Андреевной я поддерживаю самые добрые отношения многие годы. Что касается других личностей, то, конечно, я с удовольствием и благодарностью вспоминаю преподавателя Тульского университета, А. Г. Кузьмину. Наверное, школьному учителю Г. М. Разуваевой тоже надо отдать должное, это был хороший учитель. И, конечно, мне повезло: по жизни встречались (и слава Богу) люди сильные, цельные, достойные подражания. Прежде всего, называю моего шефа В. Д. Блаватского, не только как действительно учёного с мировым именем, но и как очень яркую, сильную, интересную личность, богатую душевно и прошедшую достойный жизненный путь. А ещё, как ни странно, своего экспедиционного водителя, который со мной работал очень долго, больше 15-ти лет, старого, что называется, без подмеса, фронтовика, которому сейчас 95 лет и он, слава Богу, жив. От них я взял всё, что есть во мне хорошего как в человеке, мужчине, исследователе: отношение к людям, отношение к себе, отношение к стране.

С. П. *Замечательно, когда на жизненном пути встречается такое количество хороших людей.*

А. М. Да, я очень счастливый человек, ещё и потому, что есть внуки, есть близкие мне люди, потому что всю жизнь занимался тем, что я любил, а это редкая удача. Счастлив, что знаком с хорошими людьми. Горд за свою страну, потому что она того стоит.

С. П. *Что привело к тому, что Вы возглавили в 1975 году Восточно-Крымский археологический отряд ИА АН СССР, превратившийся со временем в Восточно-Крымскую археологическую экспедицию ИА РАН?*

А. М. В 1975-м году я учился, заканчивал аспирантуру, и у меня уже был довольно большой опыт работы в экспедициях (в 1967-м году я в первый раз был в экспедиции). Побывал и в Молдавии, и в Крыму, и на Северном Кавказе. Работал со многими археологами. Поэтому опыт уже был достаточно солидный. И самое главное: я к тому времени почувствовал, что у меня есть силы и есть организаторские способности.

⁶ Советский археолог-антиковед. Подробнее см.: Кругликова Ирина Тимофеевна. Дата обращения 07.03.2018. http://www.bosportemple.ru/content/researchers/researchers_03.htm

К тому же, до этого – до армии и в армии – я отдал много сил и времени комсомольской работе. Общение с людьми мне никогда не доставляло проблем. Ну и наконец на каком-то этапе каждый настоящий мужчина хочет построить пространство вокруг себя так, как он считает нужным, правильным и удобным. Это подразумевает и определённую независимость. Так сложилось, что к 1975-му году И. Т. Кругликова, которой принадлежит главная заслуга в начале исследования сельской территории Северного Причерноморья, ушла с Керченского полуострова и Тамани в Херсонес, и Крымское Приазовье было передано мне. К этому времени некоторые территории, в том числе те, на которых мы в основном работали последние полвека, до этого абсолютно закрытые и труднодоступные по причине наличия там военных полигонов и другой инфраструктуры, стали более-менее доступными, и появилась возможность посетить, а потом и работать там, где археологи никогда не работали. Не воспользоваться этим было бы, конечно, глупо. Тем более, что наши первые разведки показали, что там много чего интересного.

С. П. *С какими трудностями Вы как молодой исследователь сталкивались?*

А. М. Знаете, как-то одного старого солдата спросили: «Вот вы служили в одной армии, в царской, в советской, потом ещё где-то, а где вам было лучше всего?». На это он не задумываясь ответил: «Там, где я был молодым». Поэтому трудностей я сейчас и не вспоминаю. Всё казалось легко осуществимым, легко решаемым. Может быть, тогда потребностей было меньше, может быть, бумажной волокиты меньше, а может, было желание сделать что-то интересное и важное, и не расстраивали какие-то житейские трудности. Рваные палатки, недостаток денег, отсутствие машин, плохая еда – всё это не воспринималось трагически.

С. П. *Являясь, как сейчас бы сказали, молодым ученым, Вы в 1977 году защитили кандидатскую диссертацию,⁷ которую в 1981 году опубликовали в виде монографии,⁸ а также опубликовали целую серию статей. Все эти работы положительно оценены научным сообществом. Но интересно, как Вы сами, с высоты сегодняшнего дня, оцениваете свои ранние труды?*

А. М. Ряд из них из них теперь нельзя назвать глубокими, основательными, но некоторые идеи до сих пор мне кажутся достойными. Любой научный поиск предполагает, что человек заразился какой-то мыслью, ему хочется найти что-то новое. И мне тогда казалось, что я нашёл и исследую совершенно новые памятники, и тот

⁷ Масленников 1977. Научный руководитель В. Д. Блаватский.

⁸ Масленников 1981.

фактический материал, который там, в этих первых работах изложен, я думаю, остаётся и будет нужен другим. Конечно, не всё написано на том научном уровне, на котором хотелось бы, но так и должно быть. Плохо, когда последние работы хуже первых. Это гораздо хуже. И этого надо бояться, особенно к старости. А то, что первые работы не всегда удачны – это нормально. Даже естественно.

С. П. *Если рассмотреть Ваши работы до начала 80-х годов, на Ваш взгляд, какие были самыми удачными?*

А. М. Мне очень нравится первое, что я делал самостоятельно в Крыму – исследование захоронений в каменных ящиках,⁹ о которых почти ничего не было ранее известно. Выяснилось, что это целая группа памятников с особой спецификой. Они – своего рода «изюминка» восточно-крымской археологии раннеантичного периода. Конечно, это увлекало. Тогда ещё некоторые из них были не ограблены. И статьи, посвященные этому, мне кажутся самыми удачными.

С. П. *Если анализировать современную ситуацию в гуманитарной науке и ситуацию периода Вашего становления как ученого, что коренным образом изменилось?*

А. М. Конечно, изменилось очень многое. Сначала о плюсах. Сейчас больше возможностей для знакомства с зарубежной литературой. Каждый антиковед знает, что это такое необъятное «море» и всё, что у нас есть, – это маленькая часть того, что нужно знать. Второй плюс – это то, что теперь более-менее легко, если есть деньги, здоровье и желание, ездить и смотреть памятники, о которых мы раньше имели представление только по книгам и фильмам, и то далеко не всегда хорошего качества. Я уж не говорю о контактах с коллегами. Конечно, хорошо бы для глубины тех работ, которые мы писали тогда, и для общей оценки ситуации на нашей территории, если бы эти визиты были где-то в студенческие или аспирантские годы. Если бы я тогда мог увидеть памятники Сицилии, Италии и Греции, которые производят громадное впечатление, то мой кругозор был бы шире. Конечно, и тогда, и сейчас поездки связаны с деньгами и другими сложностями, но теперь они более осуществимы. И в этой связи я немножко отвлекусь. Когда говорят о повышении качества образования тем или иным способом, вводят разные градации, баллы, рейтинги... Всё это «шелуха». И ты понимаешь, что вся эта «шелуха» существует, потому что надо соответствовать каким-то административным нормам. В этой связи не могу ни вспомнить один из своих совсем недавних визитов в Грецию. Мы были в Микенах в начале марта, не в сезон. Но в знаменитые Львиные ворота было невозможно пройти. Огромная толпа. И, в основном, это старшие школьники и студенты из Японии и Китая... Вот это курс древней

⁹ См., например, Масленников 1976. Уже намного позже, в 1995 г., вышло обобщающее исследование по этой теме: Масленников 1995.

истории! Вот как надо учить! Вот на это тратить деньги, хотя бы на тех, кто интересуется. Хотя бы на преподавателей, как это было в старину в русских гимназиях, в русских вузах, когда получали стипендии, отправлялись в Италию, в Грецию для совершенствования своих знаний! А всё остальное – повторяю: административная, чиновничья «шелуха». И мне нисколько не стыдно сказать это в лицо любому представителю соответствующей «власти». Я прав? Прав!

С. П. *Совершенно правы.*

А. М. А теперь о минусах. Главный минус (немного сказал о нём ранее) – это чудовищная бюрократизация всей науки и образования с неизбежным ростом влияния чиновничества, чудовищной бумажной волокитой и отчётностью. Плоха не сама недостаточность финансирования, а именно эта громоздкая и сложная отчётность. Сядь я в метро в переходе протянув шляпу: подайте мол профессору – мне накидают быстрее и больше. Не сомневаюсь в этом. Но, главное, с этим же связана и куда более серьёзная и глобальная проблема, с которой мы – историки хорошо знакомы, потому что это всё уже было. Вот Древний Египет перестал быть великим, потому что чиновников и писцов стало больше, чем тех, кто пахал и сеял. Великий Китай разваливался периодически по той же причине. И никакие варвары никогда бы не завоевали Римскую Империю, если бы чиновники не «сожрали» все государственные ресурсы. Если бы их не развелось столько. Примечательно, что Римская Империя пришла в упадок в то время, когда римская юридическая наука, на которой базируется современная юриспруденция, достигла наивысшего расцвета. Всё определили, всё подсчитали, всё расписали: что, как, кому, когда... Только вот воевать за это государство уже никто не хотел. Чиновник замучил всех: и ремесленников, и крестьян, и людей интеллектуального труда. А соседние варвары – как были варварами за 200-300 лет до этого, так и оставались. Не в плане этносов, конечно. Солдат стал другим. Он не хотел как следует воевать за то государство, в котором жить стало тяжело. Люди не хотели его отстаивать, потому что было проще у варваров жить. Государство, в котором чиновник значит больше, чем врач, учитель, учёный, труженик и даже военный – такое государство обречено. Зато... оно правовое... К сожалению, на протяжении всей истории цивилизации мы наступаем на одни и те же грабли. Может, это неизбежно.

С. П. *Как Вы думаете, какова мотивация современных молодых людей, приходящих в науку?*

А. М. Только интерес, только любовь. В науку редко кто идёт по другой мотивации, и так было всегда. Здесь не сделаешь карьеру и не заработаешь больших денег. Это только призвание и интерес.

С. П. *Вы добились успехов в науке, исследуя сельскую территорию античного Боспора, но исходя из анализа более двухсот*

опубликованных Вами научных трудов, можно сделать вывод, что круг интересующих Вас проблем выходит за рамки главной темы. Можно ли выделить ещё одно-два направления важных для Вас исследований?

А. М. Очень интересны темы взаимодействия древнего человека и древней природной среды. Как они влияли друг на друга и на исторический процесс в целом. Очень интересна тема миграции и взаимоотношений народов, политическая история, военная история. И тема, которая меня занимает в силу специфики моей работы, – тема соотношения письменных и археологических источников и вообще возможности археологии в исторических реконструкциях. Что мы можем сказать в тех случаях, когда у нас письменные источники отсутствуют, и насколько адекватно то, что мы сказали, исходя из археологических источников. Как могут тут помочь какие-то новые методы и могут ли вообще помочь.

С. П. *В своих трудах Вы неоднократно уделяли внимание изучению проблем переходных и кризисных эпох. В чем перспективность и основные трудности в проведении подобных исследований?*

А. М. Да нам хорошо рассуждать: эта тема перспективна, эта тема интересна потому-то и потому-то, а людям, которые жили в периоды кризисов, перемен, им ведь совсем несладко было. Но, тем не менее, действительно эти периоды важны. Потому что, во-первых, как правило, они лучше обеспечены источниками. Причём не только письменными, но и археологическими. Во-вторых, это периоды, где ярче и отчётливее выступают признаки как старого, так и нового. И это даёт возможность те или иные явления представлять, ощущать и записывать более объективно. Они раскрываются в том потенциале информации и событийности, который в них заложен. Это как человека проверять в период трудных событий или, наоборот, во время абсолютного благополучия. Те или иные стороны его характера могут раскрыться именно в это время. Так и в мировой истории. Что касается трудностей, то можно сказать, что очень сложно не просто интерпретировать события, а стараться при этом быть безучастным, писать без пристрастия, когда явно в это время всё самое радостное и всё самое подлое, кровавое вылезает на поверхность. Как при этом сохранить историку свою объективность, свою совесть – вот это, наверное, большая трудность. Как пройти по грани, где ты, с одной стороны, имеешь явные симпатии, а с другой – должен быть как-то объективен. Факты? Как трактовать эти факты? Любой историк с этим связан, и ни один из них никогда, как мне кажется, не даст твёрдый ответ, как быть. Это дело каждого. И это, конечно, громадная сложность.

С. П. *Как часто Вам приходилось пересматривать Ваши прежние взгляды на развитие Боспорского государства в связи с появлением новых источников, в первую очередь археологических?*

А. М. Я не настолько крупная фигура в науке, чтобы у меня была какая-то своя сложившаяся система взглядов, представлений о каких-то событиях и этапах, периодах истории этого государства. По отдельным вопросам по мере накопления материалов иногда приходит переосмысление. Хотя, конечно, проще иметь в голове уже сложившуюся схему. Тебя это внутренне удовлетворяет, когда новое соответствует тому, что ты когда-то уже себе представлял, что у тебя уже сложилось в какую-то, повторяюсь, систему. И это внутреннее самоуспокоение очень опасно, хотя и очень удобно. Да, конечно, были периоды, такие события, находки, когда ты понимаешь, что нет – всё было по-другому. И где-то это потом радуется, потому что понимаешь, что ты двигаешься вперёд.

С. П. *То есть для Вас абсолютно не проблематично пересмотреть свои взгляды?*

А. М. Нет. Я думаю: для любого учёного это не проблема. Даже отрицательный результат – это результат и он, закрывая одно, открывает одновременно другое вместо того, чтобы ходить в потёмках по тупикам лабиринтов старых представлений. Как вы знаете, наука, как и многое другое, развивается по спирали. И мы на новых этапах иногда приходим к выводам, которые делали наши предшественники или мы сами какое-то время назад, и в этом нет ничего плохого или странного. Вот читаешь порой работу учёного, жившего несколько столетий назад, и думаешь, что вот такая мысль интересная, актуальная. А это и есть развитие по спирали. А исследователь, который застыл в своём развитии, он вообще с этой «спиралью» соскакивает и смотрит на неё, причём в одну и ту же точку. Будущего у него нет, и у науки не будет.

С. П. *Вы всю свою жизнь изучаете Боспорское государство. Наверняка у Вас всё-таки есть система представлений о нём. Скажите, на Ваш взгляд, какое место история Боспорского государства занимает в античной истории?*

А. М. Может быть, лучше говорить о всём Северном Причерноморье? Место его малозаметно в масштабах большой античной Ойкумены. И если о нём где-то иногда вспоминали, то опять же в какие-то кризисные и яркие моменты. Вот воевал Митридат с Римом, забросила его судьба на Боспор, закололся он здесь, как писал Пушкин. И тогда римским историкам, писателям, полководцам, общественным деятелям стало известно об этом. Наступила более-менее спокойная эпоха, и никто боспорских правителей более не вспоминал. И в более раннее время нужна была в Афинах пшеница, значит, и боспорские цари были примечательны, и о Боспоре знали. Потом сменилась ситуация и забыли. Во всех отношениях – это был своеобразный «медвежий» угол. Но любое общество, любой общественный организм в своем развитии демонстрирует что-то специфическое, а в некоторых случаях – и особенно специфическое. И эти небольшие греческие окраинные

государства, граничившие с огромным морем догосударственных образований (варварами) демонстрируют особенные черты своего государственного устройства, организации военного дела, культурной и бытовой жизни населения. Т. е. все то, что считается в Средиземноморье вещью абсолютно недопустимой или совершенно невероятной, здесь имело место быть. Но, несмотря на довольно невысокий общий уровень жизни, культуры и некоторые иные обстоятельства, это всё-таки было античное общество. Северопричерноморские государства относились к типу античных государств по основам культуры значительной части населения, по формам и типам государственного устройства, по основным идеологическим и религиозным представлениям. Другое дело, как всё это «преломлялось». Специфика – это главное, что привлекает здесь историка. Конечно, масштабы событий здесь несравнимы с Элладой, Римом и другими античными центрами, но, тем не менее, они по-своему любопытны. Северное Причерноморье, три его основных античных центра – Боспор, Ольвия и Херсонес – демонстрируют две модели развития античного общества. С одной стороны, это псевдодемократическая модель Ольвии и Херсонеса. Боспор же с самого раннего периода своей истории демонстрирует тенденции жесткой централизации, доходящей до наследственной царской власти. Это совершенно другой тип, но это тоже античное общество.

С. П. *В этой связи, как Вы считаете, насколько оправдано использование словосочетания «Боспорский феномен» в отечественном антиковедении? В Санкт-Петербурге, например, раз в два-три года проводится крупная научная конференция под таким названием. Боспор – это феномен, или что-то похожее было и на других окраинных территориях античной цивилизации?*

А. М. Думаю: «феномен» что это слишком громкое название. Специфика Боспора как окраинного античного государства, безусловно, существовала. Какие-то особенные элементы культуры, которые мы перечисляли, здесь, конечно, были. Может быть, в отдельных случаях они уникальны. Но сам термин «феномен» используется как вывеска – привлекает внимание и звучит хорошо. У нас в стране проводятся две крупные научные конференции, посвященные изучению Северного Причерноморья в античный период, и они несколько различаются и тематикой, и составом участников. На конференции в Керчи¹⁰ большинство докладов, если не абсолютное большинство, посвящено боспорской тематике. А конференция в Петербурге¹¹ позволяет

¹⁰ Имеется в виду ежегодная международная научно-практическая конференция «Боспорские чтения», которую организует Благотворительный фонд «Деметра»; она проходит в мае в Керчи.

¹¹ Здесь речь идет о международной конференции «Боспорский феномен», которая проходит один раз в два года в Санкт-Петербурге.

взглянуть на Боспор, и не только на Боспор, шире – с позиций всего Северного Причерноморья и Средиземноморья. Обычно там делаются доклады и по херсонесской, и по ольвийской, и по скифо-варварской тематике. Поэтому там другой круг участников и круг интересов шире. Но обе конференции важны, нужны и интересны и пользуются заслуженным вниманием ученых. В них активно участвуют антиковеды, причем не только из нашей страны.

С. П. *Как, по Вашему мнению, ощущали себя боспоряне – на сто процентов греками, или понимали свою особенность?*

А. М. Это вопрос исторической психологии, что у нас слабо разработано, а в отношении античного периода – вообще не изучено. Для этого недостаточно источников. Как себя ощущали боспоряне? В отношении боспорских правителей и власть имущих слоев населения Боспора мы можем высказать некоторые предположения благодаря наличию письменных источников и ряда археологических памятников. Спартокиды (династия, правившая до Митридата в период первого расцвета Боспора), безусловно, чувствовали себя частью греческого мира, может быть слегка ущемленной, но, так сказать, эллинской верхушкой. Они получали хорошее для того времени образование, были приняты в определенных кругах Эллады, с ними считались дипломаты и военные. Они ощущали себя скорее элинами, чем варварами. Следующая, более широкая ступень социальной пирамиды – представители высших административных и военных кругов и их семьи. Надо думать, на протяжении почти всей истории Боспора это были преимущественно по происхождению и, конечно, культуре греки. Если кто и попадал туда из местной среды, то он, скорее всего, быстро приобретал черты элина, становился греком не по крови, а по образованию. Хотя отдельные представители последних (скифы, позднее сарматы, аланы, готы и «романофилы») могли чувствовать себя в этой среде вполне комфортно. Что касается простого населения, то мы плохо себе представляем, какова была доля потомков греков на сельской территории. Ясно лишь, что она не оставалась постоянной и, надо думать, сокращалась. Но и этот процесс был не «прямолинейным» что ли. В городах, ясное дело, она – эта доля была больше, но, опять-таки, какой...? В целом, города, даже самые маленькие, оставались на протяжении всего античного периода местной истории своего рода центрами античной культуры. Но и здесь население могло меняться. Судя по тому, что мы знаем, эллинские, античные традиции сохранялись, хотя и не в одинаковой степени повсеместно, вплоть до позднеантичного времени. Как, вернее, кем себя ощущали жители подчас далеких от столиц сельских поселений? Наверное, прежде всего они должны были ощущать себя подданными своего государя и своего государства. А уж кто у них были в этническом плане папа, мама, бабушка или дедушка, могло и не иметь большого значения. За

исключением переходных, критических эпох, когда приходило новое население. За вышесказанным ощущением и, конечно, повседневными реалиями состояния «подданства» стояло не только выполнение определённых обязанностей (налоги, служба и т. п.), но и осознание себя как члена очень большого коллектива, с соответствующими правами на защиту и некоторыми привилегиями. Даже если представители этого рядового сельского населения никогда не были в столице.

Даже во II в. н. э. боспорские правители и знать демонстрировали очень высокий уровень образования, их никак сарматами не назовешь. Во II в. н. э., в достаточно благополучный период местной истории, один из боспорских царей за большие деньги пытался добиться благорасположения и брать уроки у кого-то из популярных греческих софистов, т. е. преподавателя языка, словесности и отчасти философии. Он приезжал для этого в Малую Азию. Боспорская элита и хотя бы часть «среднего» класса ощущали себя в этот период частью большой Империи – Римского мира и гордились этим. Это немаловажный фактор, и нам теперь это становится понятнее. Вспомните нашу растерянность девяностых годов, когда мы не понимали, кто мы теперь, когда о нас ноги вытирали. Я вообще противник теории сарматизации Боспора.¹² Греческий язык господствовал в самых широких слоях населения. На нём говорили, писали и вели документацию. Может быть, и сельское население говорило на каком-то койне. О других языках нам ничего конкретно не известно. Одна надпись из Пантикапея римского времени свидетельствует, что даже в столице нужен был аланский переводчик.

С. П. *Ваши научные работы всегда отличает особый авторский стиль, особенно это заметно на фоне публикаций археологического материала. Вы работали над этим целенаправленно или же это естественный для Вас процесс, по-другому Вы никогда не писали? Насколько важно археологу, по Вашему мнению, писать интересно и красиво?*

А. М. Не мне судить, интересно ли у меня получается писать. В целом же очень хорошо, что мы сейчас можем писать так, как хотим, или так, как кому нравится, не только в смысле содержания, но и стиля. Вот когда читаешь работы наших предшественников XIX – начала XX в., то увлекаешься, потому что они говорили легко и свободно и писали, как говорили. А потом наступил период, когда опять возникли чиновничьи бюрократические или иные обстоятельства, также жесткая редакторская правка заставляла писать шаблонно и сухо. Я понимаю, что некоторые обороты и фразы не несут информации настолько важной, чтобы ее помещать в текст, но они несут другое, личностное

¹² Теория сарматизации Боспора впервые была сформулирована М. И. Ростовцевым (Ростовцев 1918; Rostovtzeff 1922 и др.) и была поддержана большинством ученых. В настоящее время данная гипотеза подвергается критике и вопрос этот остается остро дискуссионным.

отношение автора, его умение владеть языком. Автор сообщает свое отношение к тому, что он пишет, свои эмоции, это сильно оживляет текст. Читателям иногда тяжело, а иногда – наоборот, интересно читать такого рода работы. Но во всем надо знать меру, научная работа – это не художественное произведение. Но, наверное, если мои статьи читать интересно, то это потому, что я пишу о том, что мне интересно. Я пишу это от сердца. Я хотел бы при этом заметить, что нельзя ничего в науке делать на заказ. Нельзя брать нормы и писать столько-то работ или еще больше. Все зависит от внутреннего состояния, настроения, если хотите, вдохновения. Книги, статьи должны идти от желания сообщить что-то, поделиться, сказать что-то новое. Это очень важно, но, к сожалению, от нас требуют всё пересчитать, учесть, даже то, что нельзя оценить с помощью математики. Сколько примеров, когда у ученого могут быть сотни статей, а их никто не читает. Зато он в «передовиках». Его больше всего цитируют, хотя и ... со «знаком минус».

С. П. *Александр Александрович, Вы, помимо всего прочего, с 2002 года осуществляете преподавательскую деятельность, в данный момент, в качестве профессора Тульского государственного педагогического университета им. А. Н. Толстого. Почему Вы начали преподавать?*

А. М. Для меня этот эпизод в жизни в достаточной степени случайный. Сложился целый ряд обстоятельств. Я – туляк по происхождению, заканчивал этот вуз, на каком-то этапе захотелось попробовать себя в качестве преподавателя. Слово «профессор» добавляет веса регалиям и... греет душу. Хотя бы когда вспоминаешь о своих учителях или героях известных произведений. Профессор Преображенский у Булгакова – звучит и будет звучать. Я преподавал латынь и читал спецкурсы по археологии. Знание и изучение латыни, как и математики, «ум в порядок приводит». Стройностью своих внутренних систем и построений латинский язык, конечно, сродни математическим выкладкам. Я не говорю о том, что это основа европейских языков. Латынь даёт возможность почувствовать древнюю культуру.

С. П. *В мировом антиковедении сложилась такая ситуация, что российские специалисты, изучающие историю Древней Греции и Рима, не вполне востребованы. Это выражается, например, в низком уровне цитирования наших работ. Но в отношении антиковедов, исследующих античные государства Северного Причерноморья, ситуация выглядит иначе по причине того, что зарубежные специалисты, если их интересует данная тематика, не могут игнорировать результаты отечественных исследователей.*

А. М. Да в отношении археологии Северного Причерноморья, разумеется, лучше нас никто не знает эту область со всеми её

проблемами, но она и мало кому интересна за рубежом. С этим надо считаться. Когда приезжаешь в любую страну Средиземноморья, то видишь такое, чего у нас нет. Уровень сохранности, разнообразия, информативности памятников не сравним. Другое дело – вопрос методики раскопок и изучения материала. Нам приходится из довольно скудного материала извлекать максимум информации, в то время как зарубежные археологи как бы избалованы его обилием. Мы занимаем скромное, но достойное место в большой семье античной археологии. Если сравнивать археологические отчеты, учитывая условия работы археологов, то можно констатировать, что мы делаем немало и на хорошем уровне.

С. П. Спасибо, Александр Александрович, за интересные ответы!

Библиография

- Блаватский, В. Д., Г. А. Кошеленко. 1963. *Открытие затонувшего мира*. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Герасимова, М. М. 1976. Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным. В кн. *Краткие сообщения института археологии АН СССР*. Вып. 145. С. 109–112. М.: Наука.
- Голубев, Г. 1963. *По следам ветра*. М.: Молодая гвардия.
- Масленников, А. А. 1995. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.). *Древности Боспора* 8.
- Масленников, А. А. 1981. *Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э.* М.: Наука.
- Масленников, А. А. 1977. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. Дисс. канд. ист. наук. М.
- Масленников, А. А. 1976. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма. В кн. *Краткие сообщения ИА АН СССР*. Вып. 145. С. 19–22. М.: Наука.
- Ростовцев, М. И. 1918. *Эллинизм и иранство на юге России*. Петроград.
- Rostovtzeff, M. I. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

References

- Blavatskii, V. D., G. A. Koshelenko. 1963. *Otkrytie zatonuvshogo mira [Discovery of a Drowned World]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Gerasimova, M. M. 1976. "Naselenie antichnoi Fanagorii po paleoantropologicheskim dannym." In *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii AN SSSR [Short Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences]*. Issue 145. P. 109–112. Moscow: Nauka.
- Golubev, G. 1963. *Po sledam vetra [In the Wake of the Wind]*. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Maslennikov, A. A. 1995. "Kamennye iashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniia Evropeiskogo Bospora v VI-I vv. do n. e.) [The Stone Boxes in Eastern Crimea (On the History of Rural Population of European Bosporus in the 6th through the 1st Cent. AD)]." *Drevnosti Bospora* 8.
- Maslennikov, A. A. 1981. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v VI-II vv. do n. e. [Population of Bosporus in the 6th through the 2nd Cent. AD]*. Moscow: Nauka.
- Maslennikov, A. A. 1977. "Naselenie Bosporskogo gosudarstva v VI-II vv. do n. e. [Population of Bosporus in the 6th through the 2nd Cent. AD]." Kandidat nauk diss. Moscow.
- Maslennikov, A. A. 1976. "Etnicheskaia prinadlezhnost' pogrebenii v kamennykh iashchikakh Vostochnogo Kryma [|Ethnicity of the Stone Boxes Burials Found in Eastern Crimea]." In *Kratkie soobshcheniia IA AN SSSR [Short Communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences]*. Issue 145. P. 19–22. Moscow: Nauka.
- Rostovtsev, M. I. 1918. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii [Hellenism and Iranians in Southern Russia]*. Petrograd.
- Rostovtzeff, M. I. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.